

И вопросу о „возрождении частно-капиталистических отношений“.

(Об арендаторах и землевладельцах*)

Вытискиваемые нами и предыдущие годы в подполье товарно-хозяйственных отношений ныне легализованы и существуют открыто. Буржуа, который выдавал себя за трудящегося и открещивался всеми силами от своего „почетного“ звания, теперь открыто заговорил про прибавочную стоимость и накопление. И многие кажется, что это есть восстановление старых общественных отношений, основанных на частной собственности, что нужно открыто в этом сознаться и формулировать это в нашем праве, применить создающиеся отношения как отношения между классом капиталистов—владельцем средств производства и классом наемных рабочих.

Но стоящие на такой точке зрения в принципе не правы.

И наша экономическая политика не есть восстановление частной собственности и вследствие этого мы декларируем ее „священными“ правами.

Мы закрепляем за крестьянином землю на продолжительное время. Мы полагаем, что частные переделы прежде отражались на хозяйстве. Но если бы из этого крестьянин сделал вывод, что земля его частная собственность, что мы восстановили

его права собственника, или вручили ему права собственника на землю, которая к нему перешла во время революции, он бы сделал крупную ошибку.

Земля национализирована. Она собственность государства. Государство передает землю для обработки на продолжительное время отдельным лицам, собственникам рабочих сил и мелкого инвентаря. От этого крестьянин становится в определенных общественно-правовых отношениях к государству, от этого устанавливаются определенные общественно-правовые отношения между отдельными временными эксплоататорами земли, но права частной собственности от этого не возникают.

То же самое в области промышленности.

Прежде фабрика принадлежала фабриканту—предпринимателю. Теперь, когда они сдаются государством в частные руки, при этом говорить, что они возвращаются капиталистам. Это не так. До сих пор еще ни одно предприятие капиталистам не возвращено. Предприятия остаются государственной собственностью и сдаются в аренду, во временное пользование, во временную эксплоатацию.

От него никаких прав собственности не возникает. Если случайно какое-либо предприятие перешло в

руки его прежнего владельца, то пусть он не думает, что его священное право частной собственности восстановлено.

Он арендатор государственного предприятия. Не больше.

Капиталист опять отныне получает прибавочную стоимость с эксплоатируемых им предприятий так же, как он раньше получал прибавочную стоимость с предприятий, находящихся в его владении.

Но между тем и теперь есть большая разница.

Прежде он получал прибавочную стоимость благодаря тому случаю, что он владел средствами производства на началах частной собственности. Обществу в целом и государству это было не важно.

Теперь он получает прибавочную стоимость согласно сознательной воле рабочего класса, выражаемой в решении пролетарского государства. Если теперь он вернется к волевым водам, то это сознательно допущено волею рабочего класса в интересах всего общества в целом, а не отдельного капиталиста, в интересах развития производительных сил, поднятия их на уровень, необходимый для коммунистического строительства.

Позволила легализация товарно-хозяйственных отношений. Воскресли многие старые формы. Мы видим, что опять началась острая игра рынка. Однако это не так. Старыми формами, привычными капиталисту, ныне обрывается совершенно новое сдерживание и совершенно новые отношения. Иногда, правда, старые формы спускают проявление своей сущности отношений. Наша задача на это обращать внимание, ис-

правлять, изменять, но от этого суть дела не меняется, новые отношения уже не есть отношения капиталистические в старом смысле. От капитализма мы ушли и возвращаться к нему не собираемся. Существующие теперь и формирующиеся отношения есть отношения переходного времени, и та форма государственного капитализма, которую мы переживаем, есть лишь одна форма, одна разновидность экономических форм переходного времени.

Капитализма уже нет.

Вл. Сарабьянов в своей статье „Диктатура пролетариата, право и революционная законность“ пишет: „Госкапитализм в эпоху диктатуры пролетариата не предполагает содружества (хотя бы и со скржетом зубосмысленным) государства с капитализмом, ибо капитализма как системы нет, остались отдельные явления одной до октября переи. Госкапитализм—это система не позавания этих вещей в интересах государства и в первую очередь крупной государственной промышленности“.

Тов. Сарабьянов прав. А если это так, как мы говорили в предыдущем изложении, то отпадают всякие разговоры о том, что изменения, которые внесла наша новая экономическая политика, должны привести к политическим изменениям.

Конечно, кроме тех правовых норм, которые существовали в предыдущий период военного коммунизма, нам необходимо установление более или менее устойчивых правовых норм в ряде других областей и, прежде всего, в области взаимоотношений между от-

**) Мы не находим достаточных оснований к употреблению термина госкапитализм, но применяем его ввиду его общепринятости.

дельными арендаторами, собственниками—кустарями и т. д. Но если наш суд присудит возвращать участок земли, мебель и т. д., находящиеся ныне в руках определенного частного лица, другому лицу, то это значит, что наш суд стал на защиту „священных прав частной собственности“. Если наша милиция охраняет определенный порядок в городе, то это совсем не значит, что она стала защитницей капиталистического, частного собственнического права.

Она защищает интересы государства пролетарской диктатуры, которое признало необходимым в интересах общего развития, в интересах использования всех сил для организации коммунизма, опираться на отдельные оставшиеся еще явления старого капитализма. Это не охрана собственности, не охрана капитализма. Это охрана пролетарской диктатуры и той системы взаимоотношений, которую она берет сознательно регулировать.

Всякое экономическое и политическое явление получает свою окраску и свое значение от той доли, той системы явлений, в которое оно включено. И в новом сочетании явление старой формы получает совершенно новый смысл и новое значение. Но форма он стар, по содержанию нов.

Так и в данном случае.

Все зависит от времени и места.

А в экономике особенно от тех взаимоотношений, в которых люди стоят друг к другу как производители материальных условий своей жизни.

В данном случае—рабочие собственники средств производства, капиталисты—наемные организаторы.

Ни больше, ни меньше

В КИОРИН.

* Мы в данной статье совершенно не касаемся отношений в кустарной промышленности и торговле.